

носителей власти и авторитета. При этом, конечно, роль Константинополя менялась в ходе исторического развития и его авторитет падал по мере ослабления центральной власти.

Помимо упомянутой выше, темой заседаний секции истории средних веков была и еще одна: «Народные и религиозные движения в средние века». Эта тема, разумеется, представляет большой научный интерес и для византинистов. В докладе А. Бредеро и Й. ван Моленбрека (Нидерланды) подчеркивалась тесная, часто неразличимая связь между религиозными и «материальными» факторами средневековых общественных движений. В основе социальных конфликтов лежали противоречия экономического порядка, которые, однако, переводились на язык духовных и умозрительных образов, ибо, по мысли докладчиков, речь и слово были монополизированы в средние века религиозной сферой. Массовые народные возмущения участились в позднее средневековье — в период экономической стагнации, крушения многих надежд, усиления социального протеста, когда человек боролся как за свою материальную безопасность, так и за духовное спасение.

К. Киррис (Кипр) сконцентрировал внимание на утопических, апокалиптических, эсхатологических и уравнилельных идеях в религиозных народных движениях средневековья. Их идеология сочетала в себе как веру в грядущее утверждение общества равноправных, так и апокалиптические представления о неизбежном наказании «тиранов». Элементы религиозной образности органически вплетались в фольклорные мотивы народных поверий. Известные различия между городскими и крестьянскими восстаниями не означают отсутствия тесных взаимосвязей между различными формами социального протеста.

Э. Вернер (ГДР) в докладе «Религиозные и общественные формы сознания в XI в.: еретики и городские зилоты» отметил массовый характер религиозных движений в Европе того времени, указав, впрочем, что некоторые формы социального протеста на Западе имели не религиозный, а, напротив, антиклерикальный характер. Дуализм социальной действительности находил отражение и в популярности дуалистических ересей, а также вырвавшихся с ними массовых движений (богомилство).

Многообразие форм социальных и религиозных движений в Византии XI в. оценила и Э. Патлажан (Франция).

Доклад Д. Ангелова (Болгария) был посвящен богомилству — одному из самых значительных в истории европейского средневековья религиозно-социальных движений. С религиозно-философской точки зрения учение богомилов сочетало в себе черты раннехристианских воззрений с гностико-дуалистическими принципами миропонимания. Распространение же богомилства в болгарских землях было результатом конкретных социально-исторических условий развития средневековой Болгарии, где крестьянство и городская беднота выступили против церкви как института и инструмента угнетения. Религиозно-философский дуализм отражал социальные антагонизмы средневекового мира. Докладчик выделил также черты типологической общности богомилства с еретическими движениями в Италии и Франции XII—XIV вв.

«Боснийская церковь» XIII—XV вв. — тема доклада С. Чирковича (Югославия). Движение боснийских христиан пережило несколько этапов развития — от протеста угнетенных, борющихся за свое существование, до утверждения «Боснийской церкви» в качестве составной части социального организма, осуществлявшей руководство им. Характер конфликтов здесь в большей мере связан был с национальными, чем с социальными, проблемами. Эта эволюция шла рука об руку с расширением и укреплением могущества самой Боснии, превратившейся из маленькой, довольно замкнутой сельской области в обширное государство, находившееся в тесных контактах с внешним миром.

В прениях по докладам приняли участие советские медиевисты.

Член-корреспондент АН СССР М. Д. Лордкипанидзе показала, что в средневековой Грузии социально-религиозные движения во многом